

УДК 808.212-3

Маркированность поэтонимной лексики как семантико-функциональная реалия

А.Н. Дервяго

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Маркированность онимической лексики является неотъемлемой реалией внутритекстового пространства, которая сказывается на семантической и функциональной валентности текста. Социальная маркированность поэтонимной лексики как наиболее сложное и многомерное явление традиционно не является объектом преимущественного внимания исследователей, редко попадая в поле научных интересов. Тем не менее эта характеристика онимов наиболее точно и достоверно определяет параметры тех коммуникативных ситуаций, что конструируются авторами в границах текстового пространства. Именно подробности ситуаций межличностных взаимодействий позволяют адресату текста в полной мере их смоделировать, используя предшествующий опыт реального общения. В приведенных контекстах ярко отражается процесс переключения разных стилей и типов коммуникации, которые проявляются в том числе и в варьировании формул именования отправителями и адресатами высказываний.

Поэтическая модель мира, которая создается автором в художественном тексте, предполагает определенную степень соответствия системе субъектно-объектных взаимоотношений реальной действительности. Формирующийся при этом круг лирических образов позволяет установить семантические центры текста, позиции части которых занимают онимы. Схема, определяющая говорящего и адресата речи в языке, при создании модели мира в поэтическом тексте воплощается в систему различения ведущего, центрального образа (персонажа) и сферы адресных лирических образов. Эти группы образов обладают собственными, специфически маркированными онимическими средствами выражения. Таким образом соблюдается и отражается схема соположения лиц в реальном мире, где «значение «быть первым лицом», «быть вторым лицом» или «быть третьим лицом» включает в себя элементарное и одновременно основное определение мест этих лиц в конструкции коллектива» [1].

Маркированность лексических единиц в границах реального речевого коммуникативного акта становилась объектом исследовательского интереса целого ряда лингвистов, в числе которых – А. Вежбицкая, Л. Крысин и др. Однако в условиях текстового пространства, сконструированного по модели реальности, действуют свои законы как строфической, так и смысловой организации. Так, лирика есть жанр литературы, основным содержанием которого является непосредственный субъективный отклик автора на факты окружающей его действительности и движение поэтической мысли.

Адрес для корреспонденции: 210027, г. Витебск, ул. Чкалова, д. 19, корп. 1, кв. 6, тел.: +37529 697-14-22 – Дервяго А.Н.

Материал и методы нашего исследования представлен массивом антропонимов, сформированным посредством метода сплошной выборки из текстов поэтических произведений В. Брюсова, О. Мандельштама, Б. Пастернака и И. Бродского. Изучение названных имен собственных обеспечивается методикой описательного метода, который основывается на единстве приемов наблюдения, обобщения и интерпретации описываемых фактов.

Особенность поэтического произведения как предельно антропоцентричного текста состоит в том, что в его пределах чаще всего выделяется единственный лирический герой (персонаж) – референт. Цель нашего исследования – выявление маркированности поэтонимной лексики и определение ее специфики как семантико-функциональной реалии. Объектом нашего исследования являются маркированные антропонимы, предметом – смысловые атрибуты «социального статуса», проявляющиеся в антропонимной подсистеме, так как антропоним в тексте – онимическая проекция какого-либо реального лица – человека, обладающего определенным статусом, то есть соотносительной позицией в социальной системе, определяемой по ряду признаков, специфичных для данной системы, где «статус отвечает на вопрос: «кто он?», роль – на вопрос: «что он делает?». Поэтому можно сказать, что роль – это динамический аспект статуса» [2].

Результаты и их обсуждение. Семантика имени собственного имеет несколько составляющих ее компонентов, в числе которых – ядро, основанное на системе относительно устойчивых представлений о предмете, и область периферийного значения, концентрирующая всю дополнительную, энциклопедическую информацию о носителе имени. Периферийная семантика не регулярна, имеет характер пресуппозиционного компонента. Вслед за А. Вежбицкой, Ч. Филлмором, Ю.Д. Апресяном и др. стоит говорить о наличии в структуре семантики и модальной рамки, которая передает оценку обозначаемого факта говорящими.

Индикация статуса референта, презентуемого в художественном тексте посредством имени собственного, базируется на нескольких объективных художественных потребностях: необходимости определения соотношенности лирического образа и места, с которым связываются описываемые события, установления половой принадлежности персонажа, возрастного ценза или характера отношения к центральному образу со стороны других персонажей. Таким образом, индикация статуса происходит по трем основным направлениям: национальные и ареальные характеристики – например, *Андрей, Глеб, Николай, Джованни, Честер, Фредерик, Мишель, Томас, Дик, Дуглас, Элеонора* (Бродский), *Паоло, Джульетта, Устинья, Ирина, Настасья* (Вознесенский) и др.; половые и экспрессивно маркированные характеристики кратких именных форм – например, *Федя – Федор, Миша – Михаил, Настя – Анастасия, Маша – Мария* (Бродский), *Ося – Осип, Таня – Татьяна, Боря – Борис, Софа – София* (Мандельштам), *Эдик – Эдуард, Витя – Виктор* (Вознесенский); признаки социального статуса – например, *Ахмет – Оглы, Гарун-аль-Рашид, Шейх-Гуссейн, Юлий Август, Сети Первый* (Гумилев), *Олег, Елена, Леди Годива, Дима Куликов, Альберт Фролов, Вьяцев, Э. Ларионова* (Бродский), *Ильич, Тимофеевна, Наталья Федоровна* (Мандельштам), (тетя) *Мотя, Андрей Полисадов, Трофим Денисыч* (Вознесенский).

Данные векторы находятся в отношениях субординации, характер которой задается общими художественными тенденциями периода, в границах которого создавалось поэтическое произведение, или же особыми задачами смысловой выразительности, в соответствии с которыми автор выстраивает систему номинации лирических образов. Так, в поэтических системах В. Брюсова, Б. Пастернака, Н. Гумилева, О. Мандельштама, представляющих поэтическую реальность XX в., основополагающим является определение национальной/ареальной статусности, в то время как в поэзии И. Бродского и А. Вознесенского ведущими становятся признаки социального статуса.

Наиболее сложна в области прагматического компонента значения группа ономов-статусных индикаторов, выполняющих социально-оценочную функцию. Социальный статус как определенная позиция в обществе связан с определенными ожиданиями. В непосредственной связи с иерархией прав и обязанностей человека в обществе людей, с набором социальных ожиданий находится система именования каждой личности.

В сфере речевого употребления роль универсального нейтрального ядра социально скорректированной номинации выполняется расширенной структурной моделью «личное имя + отчество + фамилия». В случае конкретной коммуникативной ситуации определяющую роль играет целевая установка общения. С учетом этого в границах текстовой модели реального ономастического пространства в качестве нейтрального ядра могут выступать различные структурные организации. Так, поэтические произведения Н. Гумилева, О. Мандельштама, Б. Пастернака и И. Бродского объединяются общей моделью социальной номинации «личное имя (в полной форме) + фамилия».

Роль отправителя речи (автора) является обуславливающей для выбора формы именования. Наиболее последовательно она проявляется в подборе структурных вариантов именования в зависимости от специфики ситуации, модель которой создается автором в условиях поэтического контекста. Примером выступает группа именований центрального персонажа поэмы Б. Пастернака «Спекторский» – *Серезжа, Сергей, Сергей Спекторский, Спекторский*. Выбор варианта именования зависит от коммуникативных задач, с которыми связывается реализация подобных вариантов в ситуации реального общения (система именований создается автором по образцам реальной номинации): *Серезжа* – ситуация близкого взаимодействия субъектов, «обращаюсь к тебе так, как обращаются к людям, которых хорошо знают и к которым хорошо относятся»: «*Их назвали, но как-то невдомек. / Запало что-то вроде «мох» иль «лемех». / Переспросить Серезжа их не мог, / Затем что тон был взят как в близких семьях*» [3, с. 284]; *Сергей* – ситуация отстраненного взаимодействия субъектов, «обращаюсь к тебе так, как обращаются к людям, которых хорошо знают»: «... *В таких мечтах: «Ты видишь, – возгласил, / Входя Сергей, – я не обманщик, Сашка*» [3];.. *Сергей Спекторский* – ситуация дистанцированного взаимодействия в сфере объективных официальных межличностных отношений, «обращаюсь к Вам так, как обращаются к людям, которых знают недостаточно хорошо и к которым хорошо относятся»: «*Три дня тоска, как призрак криволицый, / Уставясь вдаль, блуждала средь тюков. / Сергей Спекторский точно провалился. / Пошел в читальню, да и был таков*» [3, с. 290]; *Спекторский* – ситуация отстраненного взаимодействия, «обращаюсь к Вам так, как обращаются к людям, которых не знают достаточно хорошо и отношение к которым индифферентно»: «*Был*

день, *Спекторский* понял, что не столько / Прекрасна жизнь, и Ольга, и зима, / Как подо льдом открылся ключ жестокий, / Которого исток – она сама» [3, с. 270].

В роли периферийных компонентов социально маркированных именований выступают онимы со структурными элементами:

- а) «личное имя (гипокористическая форма) + фамилия»;
- б) «личное имя (инициальная форма) + фамилия».

Различия в форме первого компонента приведенных выше структур привносит в семантику именования различительную, дифференциальную коннотацию: в первом случае нейтральное именование приобретает оттенок неофициальности сферы функционирования, во втором случае – оттенок намеренного подчеркивания официальности обстановки общения, особой отстраненности объекта называния от других: «*Э. Ларионова. Брюнетка. Дочь / полковника и машинистки. Взглядом / напоминала взгляд на циферблат*» [4]. Художественное «манипулирование» в этой области именования прослеживается в незавершенном цикле стихов И. Бродского «Школьная антология». Структурной организацией цикла (пять частей и заключение) вызывается ассоциация с процессом перелистывания школьного альбома: 1-я часть – Э. Ларионова, 2-я часть – Олег Поддобрый, 3-я часть – Т. Зимица, 4-я часть – Ю. Сандул, 5-я часть – А. Фролов. Каждое имя актуализирует некий элемент личностного воспоминания, связанного с каждым из перечисленных лирическим героем персон: «*Э. Ларионова. Брюнетка*» [4, с. 113]; «*Т. Зимица: прелестное дитя*» [4, с. 115]; «*Ю. Сандул. Добродушие хорька*» [4, с. 116]; «*Альберт Фролов, любитель тишины*» [4, с. 118].

Определения, дополняющие антропонимы, отличаются характерологическим качеством; положение в абсолютном начале текста наделяет их дополнительной смысловой валентностью. Постановка пунктограммы «точка» после онимов *Э. Ларионова* и *Ю. Сандул* утверждает существование особой социальной коннотации: объекты, носившие эти имена, находились в положении отстранения (группа пренебрегаемых и отвергаемых), а потому в авторском тексте заслуживают лишь первичной констатации внешности («брюнетка») и оценочной (с пейоративным оттенком) характеристики характера («добродушие хорька»). Двоеточие сообщает о последующем разъяснении социального (группового) статуса лица, спроецированного в поэтическом образе, представленном онимом *Т. Зимица*: мелиоративный оценочный элемент коннотации свидетельствует о положении предпочитаемого лица в сфере межличностного взаимодействия. Иронический компонент коннотативного значения реализуется в номинации *Альберт Фролов*: сочетание разных по происхождению онимов (заимствованный элемент «Альберт» и русский по происхождению «Фролов») предопределяет дальнейшее несоответствие реального и иллюзорного в восприятии героем своего положения в социуме: определенное автором качество персонажа («любитель тишины»), соотносящееся с первым, «аристократическим» элементом номинации, противопоставляется настоящему социальному положению персонажа («Мать штемпелем стучала по конвертам на почте») на основе дифференциальной пары «тишина – стук (стучать)». Из системы номинации текстовой вехи в цикле стихотворений «Школьная антология» выпадает один элемент – лишенный нарочитой официальности оним *Олег Поддобрый*. Он именуется единственным (из названных выше) персонажем, с именем которого у лирического героя-

повествователя связаны воспоминания, основанные на близких дружеских отношениях и сходстве индивидуальных судеб. Автор не дает концентрированную дефиницию ни по признаку внешнего облика, ни по характеру, чему мешает специфика личностных связей, характеризующая субъективностью и способствующая многословности: *«Олег Поддобрый. У него отец / был тренером по фехтованью. Твердо / он знал все это: выпады, укол. / ... Я помню его руки и лицо, / потом – рапиру с ручкой деревянной. / Мы фехтовали в кухне иногда»* [4, с. 114].

Нейтральная социальная маркированность отличает именованья, представляющие одночленную модель «*фамилия*». Традиционно на долю таких именованья выпадает основная нагрузка при именовании, в частности, прецедентных персон: в текстовом пространстве, насыщенном субъектными реалиями той или иной исторической эпохи, прецедентные онимы обычно «нейтрализуют», уравнивают другие именованья подобно тому, как широко известная личность в любой речевой ситуации по статусным свойствам однозначно более рейтинговая, нежели любой другой участник коммуникативного акта. В поэзии случаи употребления одночленной модели «*фамилия*» для именованья лирического героя, созданного автором текста, достаточно редки. Так, единицы *Горбунов* и *Горчаков* используются для именованья центральных образов одноименной поэмы И. Бродского. С развитием межличностных отношений, объединяющих лирических героев, со сменой ситуативных декораций проявляется ведущее положение то одного, то другого персонажа; эта динамика находит отражение на уровне заглавия, где I, II, VI, VII, XI, XII части носят название «Горбунов и Горчаков», III – «Горбунов в ночи», IV – «Горчаков и врачи», VIII – «Горчаков в ночи», IX – «Горбунов и врачи». Общей смысловой доминантой может быть признан оним *Горбунов*, именуемый соответствующего героя: *Горбунов* выступает как центральный образ, концентрирующий в себе экзистенциальные философские взгляды автора, мысль о том, что земная жизнь, подчиняясь рациональным законам, ограничивает человеческую свободу, предоставляя людям страдание и боль, одиночество и отчужденность (на этом положении основывается трактовка имен центральных персонажей: Горбунов – отторжение, отчужденность, отсутствие доступа во внешнюю реальность, подобно тому, как человеческое общество отвергает возможность признания своими полноправными членами людей с физическими недостатками, не похожих на других, в частности, горбунов (Горбунов ← Горбун ← горбун); *Горчаков* предстает рядовым членом реального мира, получившим от него определенную дозу горечи и огорчений: *«Ты хочешь огорчить меня?» «Конечно. / На то я, как известно, Горчаков»* [4, с. 177]. Коммуникативная ситуация, модель которой выстраивается автором, достаточно статична, а потому не требует переключения, которое выразилось бы в смене форм именованья героев. Напротив, такая последовательность и константность лишь подчеркивает устойчивую взаимосвязь образов с теми философскими идеями, которые вплетаются в описанные автором ситуации. Неспроста на уровне интертекстуальных связей появляется прецедентный антропоним *Фрейд*, чей образ в контексте неразрывно связан с темой сна. Как известно, австрийский врач-психиатр и психолог отводил сну особое место, рассматривая их как один из способов преодоления психологических проблем. Оним *Фрейд*, введенный в контекст, проецирует соответствующие смысловые блоки: *«Фрейд говорит, что ка-*

ждый – пленник снов / Как странно в это вдумываться снова... / Могилы исправляют горбунов!.. / Конечно, за отсутствием иного / лекарства»... [4, с. 197]. Герой видит во сне море (символ первичного неистощимого, безграничного источника жизни) и грибы (символ жизни после смерти [5]), причем последний знак является истинным, вновь обращая к основному мотиву – человеческая отчужденность в земном мире может быть преодолена только смертью и переходом в другой мир. Разнообразие семантических групп онимов, составляющих ономастический фон, создают впечатление бесприютности и несвязанности центрального лирического героя ни с чем в этом мире.

Социальная маркированность онимической лексики в поэзии В. Короткевича последовательно проявляется в поэме «Слова пра чалавечнасць». Для именованного персонажа используются единицы **Чаховіч, Чаховіч Рыгор, Рыгор**. Вариант *Рыгор* – для выражения более тесных межсубъектных связей, когда в прагмакомпоненте содержится элемент «обращаюсь к тебе так, как к людям, которых хорошо знаю», *Чаховіч Рыгор* – для моделирования коммуникативной ситуации большего субъектного отдаления участников; *Чаховіч* – для ситуации знакомства при обращении к объекту, с которым ранее контактов не имелось. Специфической лингвокультурной чертой, свойственной белорусской картине отражения социальных взаимоотношений субъектов, является употребление единиц со структурой «*пан* + личное имя», «*пан* + фамилия» – **пан Рыгор, пан Чыкоўскі**. К семантике именованного добавляется смысловой блок «я выражаю благодарность, проявляю особое уважение в ответ на принятое приглашение к коммуникации».

Реализация скрытой текстовой антитезы связана с употреблением именованных главных героев – мужа и жены – *Чаховіч Рыгор* и *Ганна Львоўна*. Модель «личное имя + отчество» чаще употребляется для подчеркивания социального пиетета, связанного с особым субъективным отношением к объекту именованного. В контекст номинация *Ганна Львоўна* транслирует это первичное значение, которое существует и в реальной коммуникации, а вслед за ним – дополнительные смысловые блоки: стремление героини к социальному уважению и привилегированному положению привели ее к трагичному финалу; персонажи с именами *Чаховіч Рыгор* и *Ганна Львоўна* становятся несовместимыми: «*Ў гэткім ціхім, глухім, старажытным горадзе, / У якім жыццё няспешна ішло, / Працякала палова жыцця Рыгора, / А ў жыцці і шчасце, і гора было*» [6] – «*Ганне Львоўне хацелася шуму сталіцы, / Рысакоў, бульвараў, дасціпных людзей, / А не гэтай дзюркі, дзе можна ўтапіцца / Ад тугі, ад нуды, ад разбітых надзей*» [6, с. 99].

Заклучение. Таким образом, маркированность онимической лексики является неотъемлемой реалией внутритекстового пространства, которая сказывается на семантической и функциональной валентности текста. Социальная маркированность поэтической лексики как наиболее сложное и многомерное явление традиционно не является объектом преимущественного внимания исследователей, редко попадая в поле научных интересов. Тем не менее эта характеристика онимов наиболее точно и достоверно определяет параметры тех коммуникативных ситуаций, что конструируются авторами в границах текстового пространства. Именно подробности условий межличностных взаимодействий позволяют адресату текста в полной мере их смоделировать, используя предшествующий опыт реального общения. В приведенных контекстах ярко отражает-

ся процесс переключения разных стилей и типов коммуникации, которые проявляются в том числе и в варьировании формул именования отправителями и адресатами высказываний.

Л и т е р а т у р а

1. Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2001. – С. 90.
2. Крысин, Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. – М., 1989. – С. 35.
3. Пастернак, Б. Избранное: в 2 т. / Б. Пастернак. – М.: Художественная литература, 1985. – Т. 1: Стихотворения и поэмы. – 1985. – С. 284.
4. Бродский, И. Остановка в пустыне / И. Бродский. – СПб.: Пушкинский фонд, 2000. – С. 113.
5. Тресиддер, Д. Словарь символов / Д. Тресиддер. – М.: Фаир пресс, 2001. – С. 65.
6. Караткевіч, Ул. Збор твораў: у 8 т. / Ул. Караткевіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1987. – Т. 1. – С. 98.

S U M M A R Y

The article is devoted to the problem of researching the onomastic elements of poetical text. The author singles out that the characteristic of onims defines in the best way the parameters of those communicative situations which are constructed by the authors within the framework of text space.

Поступило 19.03.2010